

По следам Эвменид (Лекция на тему «Третейское разбирательство в греческой мифологии»)

В. Н. АНУРОВ, юриконсульт, кандидат юридических наук,
LL.M (Dundee, Scotland)

Данная лекция посвящена древнегреческим представлениям об арбитраже, отраженным в известных мифах «Орест», «Илиада» и других. Наряду с их художественной ценностью можно обнаружить полезные сведения о формировании арбитражных трибуналов, случаях пристрастности и предрасположенности арбитров, посреднических процедурах и ответственности арбитров. Все эти вопросы проиллюстрированы на примерах из греческих мифов, с приведением соответствующих цитат и фрагментов.

Ключевые слова: третейский суд, арбитры, формирование состава третейского суда, арбитражные решения, пристрастность и предрасположенность арбитров, судьба и ответственность арбитров, греческие мифы.

Прежде чем погрузиться в увлекательный мир древнегреческих мифов, зададим себе тривиальный вопрос, который может прийти на ум любому современному исследователю третейского разбирательства: Какую практическую ценность представляют собой тени минувшего мира, вдобавок еще и воображаемого? Ведь не существует никаких доказательств того, что Агамемнон, Клитемнестра, Орест являлись историческими персонажами, и события, описываемые в трагедии Эсхила «Эвмениды», когда-то происходили на Земле. Почему бы не опираться только на доказанные исторические факты, какими скудными и отрывочными они не были? Ответ, как мне кажется, содержится в последних словах. Красочность мифа обладает неизмеримо большей силой очарования, нежели сухое описание исков и споров, разрешаемых третейскими судьями древнего мира. Еще великий русский философ, А. Ф. Лосев, призывал не становиться «гиперкритиками, ибо даже легенда всегда отражает стремление и чаяния человека определенной эпохи, ибо миф всегда в своей основе имеет зерно истины»¹. После такого призыва следует не менее значимый по своей эмоциональной наполненности отрывок: «... мы должны только быть благодарны стремлению человечества к поэтическому вдохновению и к вымыслу, которые заставляют потомков задумываться и трепетать, переживая как свое, близкое и родное, события тысячелетней давности». Задумываться и трепетать! Именно такие чувства должны предшествовать размышлению об истоках и сущности третейского разбирательства. Поэтому я призываю вас на время забыть о современных нормах права, руководящих прецедентах, регламентах известных международных центров по разрешению споров и попытаться пройти путь глубокой древности по следам Эвменид.

¹ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон, Аристотель. ЖЗЛ. М., 1993. С. 15.

Как мы знаем, «Эвмениды» являются заключительной частью трилогии Эсхила «Орестея», поставленной в 458 г. до н.э. Хотя в лекции я буду обращаться и к другим мифам, где присутствуют элементы третейского разбирательства и примирительных процедур, «Эвмениды» занимают среди них центральное место, так как именно в этом произведении в наибольшей степени отражены представления древних греков о порядке разрешения споров.

События, предшествующие сюжету «Эвменид», представляют собой длинную череду злодеяний, совершенных родственниками главного героя Ореста, и им самим, поражающих своей жестокостью и неотвратимостью. Создается впечатление, что участники семейной трагедии обречены на совершение убийств, к которым их ведет неумолимый рок.

Благодаря предательству Миртила, Пелопс выиграл у Эномая, царя города Писы в Элиде, конные состязания. Когда же Миртил стал требовать выполнения обещаний, Пелопс сбросил его со скалы. Во время падения Миртил проклял весь род Пелопса. Сыновья Пелопса, Атрей и Фиест, долго враждовали между собой за власть в Микенах. Во время такой вражды Атрей убил по ошибке своего сына, воспитанного Фиестом с чувством ненависти к своему отцу. Чтобы отомстить брату, Атрей убил сыновей Фиеста, а из их мяса приготовил жаркое и накормил им ничего не подозревающего Фиеста. После долгих злоключений Фиест и его сын Эгисф свергают Атрея и изгоняют его сыновей, Агамемнона и Менелая. Готовясь к Троянскому походу, Агамемнон приносит в жертву свою дочь Ифигению. После возвращения из похода Агамемнон погибает от рук своей жены, Клитемнестры, и ее любовника, Эгисфа. Через семь лет сын Агамемнона, Орест, мстя за отца, убивает свою мать, Клитемнестру, и Эгисфа.

Разобраться, кто прав, а кто виноват в этом обилии жестокости — задача, прямо скажем, трудновыполнимая. У каждого есть своя правда и свой повод для мести. Ужасное злодеяние Атрея было вызвано не менее ужасным, по своему результату, поступком его брата Фиеста, убийство Агамемнона может быть объяснимо материнской печалью по дочери, погибшей на жертвенном алтаре. Поэтому мы не будем пытаться, с точки зрения современного человека, определить тяжесть совершенных преступлений, а попробуем проанализировать процедуру вынесения решения, поставившего точку в этой истории. Вся процедура я разделил бы на четыре составляющие: выбор третейского судьи, его оценка аргументов, приводимых участниками спора, последствия вынесения третейского решения и предпринятые меры по примирению победителей и побежденных.

Итак, действие трагедии Эсхила «Эвмениды» начинается перед храмом Аполлона, бога искусств и предсказаний, в Дельфах. В храме сидит Орест, окруженный спящими Эриниями. Маленькую передышку ему устроил Аполлон, усыпив неумолимых богинь, мстящих за клятвопреступления, преступления по отношению к отцу или матери, родным братьям или сестрам. Аполлон не обещает Оресту защиты, он лишь дает совет, как найти судью, который бы вынес справедливое решение²:

А когда Паллады города достигнешь,
Сядь и древний обними кумир.
Мы там найдем судей, слова целебные

² Эсхил. Трагедии Эвмениды. Перевод с древнегреческого С. Апта. М., 1971. С. 325–326.

Мы там услышим. Средство там отыщется,
 Чтоб навсегда от этих мук спасти тебя,
 Ты мать убил по моему велению.

Какую информацию мы можем почерпнуть из этого отрывка? Вправе ли мы сказать, используя современную терминологию, что речь идет о рекомендации адвоката своему доверителю по поводу выбора арбитра? Причем этот выбор обусловлен не только личными отношениями между двумя божествами, которые серьезно не враждовали друг с другом, исключая войну с Троей, когда Афина, богиня мудрости, заняла сторону греков, а Аполлон — троянцев. Этот выбор мог быть продиктован предшествующим опытом разрешения более раннего спора. По версии Августина Блаженного («О Граде Божьем», книга XVIII, глава IX), Аполлон сыграл существенную роль в борьбе Афины и Посейдона за город, являющийся в настоящее время столицей Греции и носящей имя выигравшей стороны (не трудно догадаться, что ею стала Афина). Трактовка событий может быть различной и преподноситься или как божественные дары городу, или как чудеса, произошедшие в нем, но не вызывает сомнений тот факт, что эти события символизируют притязания Афины и Посейдона на обладание Аттики. От удара копья первой выросло оливковое дерево, от удара трезубца второго забила морская вода. Аполлон отказался быть судьей в этом споре, когда к нему обратились за советом, и вручил судьбу города в руки его жителей. Кекроп, который в других версиях выступает в качестве судьи, произвел подсчет голосов. Мужчины голосовали за Посейдона, а женщины за Афины. В итоге победила Афина, так как на одну женщину оказалось больше. Чтобы смягчить гнев Посейдона все женщины были лишены многих прав, в том числе права голоса. В изложении этого мифа Робертом Грейвсом, Афина и Посейдон предстают перед судом олимпийских богов, а Кекроп вызван для дачи показаний. Посейдона поддержали все боги, а Афины — все богини. Перевес с разницей в один голос оказался в пользу Афины³.

Оправдывая поступок Ореста, Аполлон не решился выносить окончательное решение, хотя и обладал большей силой, чем Эринии. К тому же из слов, обращенных к Оресту, видно, что Аполлон не отрицает своего соучастия. Более точную оценку дают ему сами Эринии:

Владыка Аполлон, дай возразить тебе.
 Ты в этом преступленье не сообщником,
 А главным был зачинщиком.

По-видимому, в представлении древних греков прочно укоренился запрет лицам, принимавшим участие в споре, разрешать его на правах судьи. Выражаясь юридическим языком, этот запрет проводит грань между самозащитой и другими формами защиты своих интересов, которые появляются по мере усложнения социальных связей, структуры общества. Конечно же, третейское разбирательство не является следующим этапом в истории разрешения конфликтов. Очевидно, процедуры примирения и посредничества предшествуют образованию третейского суда, но мы сосредоточимся на подготовительной стадии третейского разбирательства — формировании состава третейского суда или выборе арбитра.

³ Грейвс Р. Мифы древней Греции. Перевод с английского под ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1992., С. 41–42.

Первый шаг просителя, ищущего защиты в третейском суде, заключается в предложении своей кандидатуры для выбора арбитра. За Ореста это делает Аполлон. На первый взгляд, Эринии никак не участвуют в этом процессе. Преследуя Ореста и найдя его припавшим к алтарю Афины, они, как бы постфактум, вынуждены согласиться с ее правом решить судьбу человека, обратившегося к ней с мольбой. В то же время все формальные действия по признанию за Афиной такого права совершают обе стороны. «Ты мне судья. Любой твой приговор приму», — говорит Орест. Формальное согласие подчиниться своей юрисдикции Афина получает и от Эриний. Их предводительница произносит следующие слова: «Что ж, приступи к допросу и суди сама». Примечательно, что все это происходит, когда Афина задает обеим сторонам предварительные вопросы прежде, чем дать свое согласие взяться за разрешение спора. Тем самым, подчеркивается добровольность выбора арбитра и доверительный характер взаимоотношений, возникший между ним и сторонами. Только получив подтверждение всем этим факторам, третье лицо может дать согласие стать арбитром.

Здесь нельзя не упомянуть о комедии Менандра «Третейский суд». В разгар спора между двумя рабами, Сириском и Давом, у первого возникает мысль обратиться к арбитру. Их препирательства, а затем и диалог с будущим арбитром, описанные в юмористическом ключе, отражают спонтанность формирования третейского суда, отсутствие продуманного и взвешенного подхода при решении одного из важнейших вопросов — выбора арбитра:

Сириск

Пусть разберет судья!

Дав

Отлично! Судимся!

Сириск

Но у кого?

Дав

Годится всяк! Заслуженно терплю!

Зачем с тобой делился?

Сириск (указывая на Сикрина)

Этого не взять ли в судьи?

Дав

В добрый час!

Сириск

Почтеннейший, минутку удели ты нам, пожалуйста!

Смикрин

Вам? Для чего?

Сириск

Возникло дело спорное!

Смикрин

Да я-то тут причем?

Сириск

Судью третейского мы ищем!
Ну, так вот, коль нет препятствия,
Ты рассуди нас!

Смикрин

Пропади вы пропадом!
Ишь бродят в кожныхах, а тоже судятся!

Сириск

Пусть так, и все же – дело наше малое,
Взять в толк его легко – отец, будь милостив!
Уж снизойди до нас! Ведь правосудие
Брать перевес всегда должно, и всяк о том
При случае обязан позаботиться.
Таков всегда удел наш человеческий!

Дав

С каким однако я связался ритором!
Зачем делился с ним?

Смикрин

Скажи, мой приговор блюсти согласны вы?

Сириск

О да!

Смикрин

Послушаю –
Помехи нет! Начни ты, что помалкивал.

В этом отрывке, как и в рассматриваемой нами трагедии «Эвмениды», прослеживается неукоснительное следование лицом, претендующим на получение статуса арбитра, четкой модели поведения. Перед тем как дать согласие стать арбитром, Смикрин задает вопрос Сириску и Даву об их готовности исполнить его решение, и тем самым, продемонстрировать к нему доверие. Знание простым человеком особенностей третейского разбирательства лишний раз доказывает широкую распространенность этого института в древнегреческом обществе. Как пишет Л.П.Ануфриева, «к V в. до н. э. в Аттике существовали две формы третейского суда: суд посредника – частного лица и суд посредника, назначаемого государственным органом, что объяснялось неспособностью государственного суда – афинских магистратов – справиться со всем объемом требующих разрешения дел. Вследствие этого часть судебных дел передавалась на обязательное рассмотрение государственных диететов, избираемых ежегодно по жребию, а другие споры (имущественного характера не свыше 10 драхм) – частным диететам, в качестве которых выступали уважаемые граждане и иноземцы, рассматривающие спор на основании соглашения между сторонами»⁴. На большую известность третейского разбирательства в древнегреческом обществе указывает и Гарри

⁴ Ануфриева Л.П. Международное частное право. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. М., 2001. Т. 3. С. 75.

Борн в своем фундаментальном труде, посвященном международному коммерческому арбитражу. Причем в качестве источника он приводит изящное украшение цита, выкованного Гефестом для Ахилла:⁵

Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда за того, кто из них справедливее право докажет.

Гарри Борн видит в этом гомеровском отрывке из «Илиады» описание публичного арбитражного процесса, в котором спорящие обращаются к лицу, сведущему в праве и председательствующему в трибунале старейшин⁶.

Но вернемся к делу Ореста. Афина, завершив предварительный допрос спорящих сторон (Эриний и Ореста), принимает решение об учреждении третейского суда⁷:

Нелегкое здесь дело. И не смертному
Его судить. Но тяжбу столь жестокою
И я решить не вправе. Здесь о крови спор.
Я признаю: омытым и очищенным
Ко мне пришел ты, храму не грозишь бедой,
И я тебя принять согласна в городе.
Но ведь нельзя и этих оттолкнуть, прогнать:
Коль тяжбу проиграют, гнев свой губительный
Обрушат на страну, и яд их ярости
Падет на эту землю, хворь и боль неся.
Опасен выбор. Страшно мне оставить их
И страшно прочь услать. И там и тут — беда.
Но если уж такое дело выпало
Здесь разрешить, сейчас на веки вечные
Я суд назначу, клятвою связав судей.
Свидетелей зовите, доказательства
В угоду правде подкрепляйте клятвами,
А я из граждан выберу достойнейших
И приведу сюда, чтоб здесь творили суд,
Присягу памятуя и закон храня.

Речь Афины неслучайно приводится здесь без сокращения, поскольку в ней отразились сразу несколько принципов третейского разбирательства.

⁵ Гомер. Илиада. Пер. Н. Гнедича. М., 2007. С. 374.

⁶ Gary B. Born International Commercial Arbitration. Volume I. 2009. P. 22.

⁷ Эсхил. Указ. соч. С. 392.

Во-первых, одним из условий рассмотрения спора назван обряд очищения от «кровавой скверны». Первый раз этот обряд был свершен самим Зевсом в отношении Иксиона, царя фессалийского племени лапифов, когда тот убил своего тестя Эионея. Орест приходит к Афине уже очищенным Аполлоном. Таким образом, Орест получает право надеяться на рассмотрение его дела только после поддержки содеянного божеством, пользующимся авторитетом у других богов-олимпийцев, по крайней мере, тех, к кому он обращается за защитой, то есть у Афины. Если бы очищения не произошло, и тем самым, позиция Ореста не нашла бы подтверждения у Аполлона, имеющий равный статус с Афиной, последняя бы, вероятно, не стала бы разрешать спор простого смертного с Эриниями. Простые человеческие притязания на установление правды не удаляются божественного суда, а если вступают в противоречие с божественными интересами, жестоко караются. Так, были убиты дети Ниобы из-за тщеславия своей матери, заявившей о превосходстве над Летой, матерью Аполлона и Артемиды. С Марсия Аполлон живого содрал кожу за попытку соперничать с ним, а Афина превратила Арахну в паука за аналогичные амбиции, но уже в области ткацкого мастерства. На примере этих несчастных, можно сказать, что третейский суд создается только для равных. Стороны, которые стоят на более низкой ступени в социальной иерархии, особенно в глазах арбитра, не могут претендовать на третейское разбирательство, а их притязания не «дотягивают» до статуса спора, подлежащего рассмотрению арбитром.

Во-вторых, как и в споре между Афиной и Посейдоном за обладание Атикой, божество, к которому обращаются для урегулирования конфликта, не осмеливается взять на себя единоличную ответственность за принятие решения и предпочитает разделить ее с другими афинскими гражданами. По сути, речь идет о двухступенчатом выборе арбитра. Сначала стороны приходят к соглашению о выборе божества, обладающего авторитетом или властью, разрешить возникший между ними спор. Для нас в данном случае не важно, как это согласие достигается: путем молчаливого одобрения кандидатуры одной из сторон или в силу общепризнанного авторитета. Затем, это божество назначает другое лицо, которое и выполняет функции арбитра. Кстати, бросается в глаза преобладание в греческой мифологии именно такого, двухступенчатого характера формирования третейского суда. Даже сам Зевс, повелитель Олимпа, не берет на себя роль арбитра в спорах между богами, а назначает третье лицо, хотя обладает всей полнотой власти и авторитетом среди других олимпийских богов.

Так, в споре между Персефоной, богиней царства мертвых, и Афродитой, богиней любви, Зевс отказался быть арбитром и передал спор на разрешение музе науки и поэзии, Каллиопе. Ей предстояло решить, с кем из этих двух богинь должен проводить время Адонис, отличающийся поразительной красотой. Каллиопа признала за Афродитой и Персефоной равные права, поскольку первая способствовала рождению, а вторая воспитанию Адониса. Год был разделен на три равные части, одну из которых Адонис должен был проводить с Афродитой, вторую с Персефоной, а третью — по своему усмотрению. Не удивительно, что Зевс самоустранился от разрешения такого щекотливого спора из-за боязни разжечь вражду между богами. Однако ей все равно было суждено разразиться, потому что использование Афродитой своего магического пояса привело к тому, что Адонис стал не только проводить свою часть года

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

с ней, но и отдавать часть Персефоны, то есть третейское решение Каллиопы было нарушено одной из сторон. В конце концов, Адонис был убит диким вепрем. По одной из версии нападение вепря на Адониса, было спровоцировано отвергнутой им Персефой, по другой — в вепря превратился Арес, бог войны и ревнивый муж Афродиты.

Другой спор уже между тремя богинями: Афродитой, Афиной и Герой (женой Зевса), стал причиной Троянской войны. Богиня вражды, Эрида, обидевшись на олимпийских богов за то, что ее не позвали на свадьбу Пелея и Фетиды, подкинула яблоко с единственной надписью «Прекраснейшей» (яблоко раздора). Зевс указал на Париса, который должен был разрешить спор трех богинь. Гера обещала ему богатства и господство над миром, Афина — победы и военную славу, Афродита — любовь самой красивой женщины на Земле — Елены. Парис отдал яблоко Афродите.

Иногда Зевс все-таки берется разрешить спор между богами, причем действует скорее как мудрый родитель, разбирая ссору своих любимых детей. Ярким примером такого «семейного арбитража» является конфликт между Гермесом, богом торговли и воровства, и Аполлоном. В день своего рождения Гермес похитил у Аполлона стадо коров, двух из которых он потом зарезал и съел, а остальных укрыл в пещере в Пилосе. Узнав о пропаже, Аполлон стал разыскивать своих коров, и вскоре понял, что их похитить мог только Гермес. Взяв младенца прямо из колыбели, Аполлон принес его на суд Зевса. О порядке рассмотрения этого спора мы поговорим позже, сейчас мне только хочется привести фразу, которую произносит Гермес, видя, что все его попытки обмануть Аполлона не приводят к желаемому результату: «Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида» (Гесиод «Гимн Гермесу»). В ней содержится предложение, адресованное Аполлону передать спор в третейский суд, согласие Гермеса подчиниться третейскому решению и выбор третейского судьи. В такой сжатой формулировке выражены все необходимые предпосылки для проведения третейского разбирательства.

Переходим к разбирательству спора по существу. Позиция Эриний проста и ясна. Мечь Ореста за убитого отца не может искупить более тяжкое преступление — убийство матери. До слушаний, спора с Аполлоном, и во время разбирательства дела Афиной, Эринии постоянно повторяют, что для них преступление Ореста — это преступление против крови. Убийство же Агамемнона представляется им менее тяжким преступлением, так как Клитемнестра не состояла с Агамемноном в кровном родстве: «Не кровное родство — вина не кровная». Эти матриархальные представления опровергаются Аполлоном со ссылкой на другие устои общества, которые появляются при переходе к патриархальным отношениям — важность супружеской клятвы Геры перед Зевсом. Также Аполлон прибегает и к аргументам эмоционального характера: царственный статус Агамемнона и его предательское убийство собственной женой. В пылу полемики Эринии выдвигают новый аргумент, указывая на факт свержения Зевсом своего собственного отца Крона. Аполлон искусно парирует и обращает внимание судей на некорректность аналогии, так как Крон не был умерщвлен Зевсом, а лишь лишен власти. Аполлон приводит последний аргумент, который играет ключевую роль в разрешении спора:

Дитя родит отнюдь не та, что матерью
Зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано.

Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод
 Хранит, когда вреда не причинит ей бог.
 И вот вам правоты моей свидетельство.
 Отец родит без матери. Пред вами здесь
 Паллада–дева, Зевса–олимпийца дочь.
 Она явилась не из чрева темного –
 Кто из богинь подобное дитя родит?

Какие верные и точные слова находит Аполлон для убеждения главного арбитра — Афины. Пример ее собственного рождения указывает на преобладание отцовских прав в семейном споре, поскольку матери у нее никогда не было. Можно ли говорить в этой связи об отсутствии объективности со стороны Афины? Без всякого сомнения, да. Но тогда возникает другой вопрос: является ли суд Афины несправедливым из-за того, что она применила свой личный опыт к рассматриваемому ею делу? Обстоятельства рождения Афины были известны как Аполлону, так и Эриниям. Если Аполлон заранее знал о мотивах, которыми может руководствоваться Афина, а в этом споре мы видим, что он сам натолкнул ее на эту мысль, и поэтому выбрал ее в качестве арбитра, то у Эриний была возможность отказаться от передачи спора Афине и попытаться назначить другое божество в качестве арбитра. Здесь стороны третейского разбирательства находятся в равных условиях и умелое построение линии защиты, сочетающейся с образом мысли арбитра, не может являться основанием для оспаривания его мандата. Тот факт, что Аполлон попал в цель при выдвигании своего последнего аргумента, недаром он обладает даром прорицания, подтверждает вердикт Афины, почти слово в слово повторяющий позицию Аполлона:

Теперь за мною дело. Приговор за мной.
 И за Ореста я кладу свой камешек.
 Ведь родила не мать меня. Мужское все
 Мне ближе и дороже. Только брак мне чужд.
 Отцова дочь я, и отцу я предана.
 И потому жалеть не стану женщину,
 Убившую супруга. В доме муж глава.
 Орест спасен, хотя бы даже поровну
 Распределились голоса.

На суде Париса происходит еще более захватывающая дуэль между сторонами, так как в борьбу вступают три богини, претендующие на звание «прекраснейшей». Те дары, которые они обещают Парису, не стоит рассматривать как примитивные взятки. Скорее всего, они представляют собой способы решения вечного спора о смысле жизни в представлении древних греков. Очевидно, что власть над миром и военная слава уступают женской красоте и любви, поэтому побеждает Афродита.

Как же относиться к влиянию спорящей стороны на арбитра? Конечно, мы исключим примитивное физическое, и даже психологическое влияние, сопряженное с насилием и угрозами. Здесь никакого сомнения не возникает относительно несправедливости третейского разбирательства. Сам арбитр

перестает быть третьим лицом, обладающим собственной волей и мнением. Он как бы становится продолжением воли воздействующей на него стороны, и сама суть третейского разбирательства превращается в профанацию, так как исчезает третье лицо, играющее ключевую роль в этимологии данного института. Поэтому Аполлон и не предпринимает попытки разрешать спор в качестве арбитра, иначе ему пришлось бы судить самого себя — зачинщика преступления Ореста, как свидетельствуют Эринии и он сам. А вот как обстоит дело с интеллектуальным воздействием на формирование позиции арбитра? Угадать или заранее знать его предрасположенность — не это ли главный мотив стороны, ответственно относящегося к выбору арбитра. Это качество никоим образом не нарушает доверительное начало в третейском разбирательстве и не должно приводить к прекращению мандата арбитра. Предрасположенность не стоит путать с пристрастностью. В последнем случае происходит воздействие на волю, эмоции, а не на интеллект арбитра. На суде Зевса по поводу похищенных коров Гермес пытается именно таким образом склонить своего отца к вынесению решения в свою пользу:

Дать указанья приказывал мне с принуждением великим,
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился — он и сам это знает,
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял — да не буду я счастлив!

Интересную интерпретацию речи Гермеса, с точки зрения современной юридической терминологии, приводит Д. Л. Давыденко: «Когда Аполлон обвиняет его перед Зевсом в краже, тот прибегает к уловкам в своей защите: ссылается на то, что только «вчера родился», а скотокрадами всегда являются опытные взрослые люди; что он является «слабой стороной»; что Аполлон добивался от него признания угрозой насилья; клянется, что он не уводил коров к себе; что у Аполлона нет свидетелей»⁸. Все эти доводы, за исключением последнего (отсутствие свидетелей), направлены исключительно на то, чтобы сделать Зевса пристрастным арбитром. Однако Гермес терпит неудачу. Причем Гесиод не описывает обоснование решения Зевса, как это делает Эсхил в «Эвменидах». Верховный властитель Олимпа не нуждается в объяснении мотивов своего вердикта:

Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилья.

Противоборство разума и хитрости проходит красной нитью через все произведение Гесиода. Разум олицетворяет Зевс и Аполлон, хитрость — Гермес. Аполлон даже не заботится о выстраивании своей позиции на суде, и как говорит Гермес, «не приводит вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных». Обладающему даром прорицания этого не нужно. Кстати, во время суда над Орестом Аполлон напоминает Эриниям о своем статусе пророка и прямо

⁸ Давыденко Д. Л. Примирительные процедуры и арбитраж в Древней Греции // Третейский суд. 2010. № 5. С. 163.

намекает на то, что его слова выражают волю Зевса, авторитет которого для Эриний должен быть важнее их предназначения — карать за убийство кровных родственников. Несмотря на такое заявление, прения сторон продолжаются, поскольку они, как и арбитр обладают равным статусом, если не по силе, так по происхождению. Эринии даже принадлежат к более древним богам, чем Афина и Аполлон. На суде Зевса такого равенства нет. Зевс воплощает в себе высшую силу, порядок в мире богов и людей, поэтому его суд, в отличие от суда Афины, не состоит из взвешивания доказательств или аргументов сторон, хотя Гермес и Аполлон приводят их. Создается впечатление, что вина Гермеса очевидна с самого начала, и сам процесс проходит ради забавы Зевса:

Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.

Но, как говорится, что положено Юпитеру, не положено быку. Человек, даже если он царь, не может проникнуть в таинственные закоулки другой человеческой души. У афинского царя Фесея (по версии Роберта Грейвса, Тесея) был незаконнорожденный сын, Ипполит, славившийся своей чистотой и непорочностью. Такой образ жизни не мог не обидеть Афродиту, которая решила наказать Ипполита за пренебрежение ее властью. Она внушила молодой жене Фесея, Федре, страстную любовь к Ипполиту. Отвергнутая им, Федре совершила самоубийство, но перед этим оставила записку, содержащую клевету на Ипполита. Разгневанный Фесей отправляет Ипполита в изгнание, попутно прося у отца своего Посейдона, чтобы сын не дожил до следующего дня. Все попытки Ипполита оправдаться не достигают результата, все призывы к разумным доводам и соблюдению формальных процедур осуждения остаются без ответа⁹:

Ипполит
Как – без суда? Без клятвы? Без допроса?
И даже без гаданий приговор?

Фесей
Письмо – твоя улика, и не нужно
Тут жребия. А птицы в небесах
На этот раз меня не занимают.

В момент отъезда кони, испугавшись непогоды, понесли. Колесница разбилась о камни, и Ипполит, запутавшись в вожжах, погиб. Артемида, явившаяся Фесею, обвиняет его в неправом суде, особенно, в несоблюдении формальных процедур, о которых просил Ипполит:

Ты перед ним и передо мной
Единственный виновник, потому что
Ты не искал свидетелей, гаданьем,
Ты пренебрег, улик не разобрал,
И времени для истины жалея,
С поспешностью преступною своею
Божественным сгубил проклятьем сына.

⁹ Еврипид. Пьесы. Ипполит. М., 2001. С. 143.

Человек, чей ум одурманен горем или местью, не может быть арбитром, не может вынести справедливое решение. Здесь мы подступаем к самому интересному. Какая задача должна быть поставлена во главу угла любого разрешения спора? По-видимому, достижение справедливости. Содержание этого понятия настолько индивидуально, так как каждая сторона уверена в своей правоте, или настолько обусловлено конкретной исторической обстановкой, культурными представлениями в обществе, что не дает нам возможности говорить о его абсолютности или универсальности. Древнегреческие боги и люди могут совершать поступки исходя из своих представлений о законах и обычаях, но всегда готовы подчиниться воли Зевса, олицетворяющего высший закон и порядок в мире. Правда, необходимо сделать существенную оговорку. Нельзя отождествлять личность Зевса с той силой, которая проявляется через его деяния. Зевс подвержен чарам Афродиты, сну Гипноса или обману со стороны его жены Геры. Не знает он пророчества, связанного с рождением сына у богини Фетиды, и жестокость пыток, применяемых к Прометею, объясняется как раз нежеланием гордого титана раскрыть тайну, представляющую опасность для власти Зевса. Ведь сыну Фетиды было предсказано превзойти своего отца, а Зевс как раз намеревался сделать ее одной из своих жен. Лишь когда Прометей раскрыл эту тайну, решено было отдать Фетиду замуж за героя Пелея и от их брака родился величайший герой Троянской войны — Ахилл. Во время его поединка с Гектором Зевс взвешивает на весах судьбу каждого, и только после того, как жребий Гектора опустился вниз, Зевс дает согласие на его смерть. В более же поздних мифах (фиванский цикл) подчеркивается всевластие неумолимого рока. Его веления знают лишь богини судьбы Мойры, которые прядут нити жизни каждого, и даже судьба самого Зевса в их руках. Поэтому мы должны рассматривать Зевса как наиболее близкого источника к трансцендентному началу, нейтрализующему разрушительные силы в мире и, тем самым, внося в него порядок и гармонию. Так, Агамемнон, возвратившись к себе на родину после троянской войны, восклицает¹⁰:

Не со слов ответчика
И не со слов истца или свидетелей
Судили Трои боги, в урну гибели
Метнув шары; ведь в урну милосердия
Сама Надежда не дала шарам упасть.

Зевс и другие олимпийские боги могут выступать и в качестве судей, выносящих приговор и сами приводящие его в исполнении, могут также становиться арбитрами, если спор возникает между сторонами, равными им по статусу. Средства, которые используются для достижения справедливости, не обладают ярко выраженными чертами и зачастую смешиваются между собой. Третейское разбирательство может нести на себе отпечаток судебного производства, голосования в народном собрании или перерастать в примирительные процедуры. Зевс, обладающим полной властью над всеми богами и людьми, часто самоустраивается от разрешения спора и находит себе замену, как в споре о судьбе Адониса или суде Париса. В споре между Афиной и Посейдоном, и как мы дальше увидим, в споре между Аполлоном и Эриниями, одну из ключевых

¹⁰Эсхил. Трагедии. Агамемнон. С. 243.

ролей играет народное собрание афинян. После вынесения своего вердикта Афина прикладывает большие усилия для примирения с Эриниями.

Путь, по которому идут стороны вместе с третьим лицом, разбирающим их спор, тернист и не всегда приводит к достижению справедливости. В судебном процессе действуют строгие правила, и отступить от них не могут ни стороны, ни сам судья. Если эти правила не соблюдаются, судья не вправе разрешить дело так, как подсказывает ему собственное внутреннее убеждение в правоте одной из сторон. Если бы Зевс придерживался строгих правил о доказывании, то аргумент Гермеса об отсутствии свидетелей у Аполлона должен был привести к отказу в удовлетворении требований последнего. Но Зевс вышел за узкие рамки формализованных правил о предоставлении доказательств и разрешил дело по своему усмотрению. Именно эта возможность считается главным преимуществом третейского разбирательства, но в то же время, она может стать и его недостатком, если предрасположенность арбитра помешает ему следовать объективной оценке фактов. Повязка на глазах Фемиды как идеал правосудия никак не может считаться символом третейского разбирательства. У арбитра, наоборот, глаза всегда открыты, ибо его склонности, его убеждения, его личный опыт служит путеводителем для сторон, когда они принимают решения остановиться на его кандидатуре. Если же во время третейского разбирательства арбитр отказывается от своей «предрасположенности», то тогда он нарушает свой мандат, не оправдывает оказанное ему сторонами доверие.

Перейдем к не менее интересной теме — последствиям вынесения третейского решения, наступающим как для сторон, так и для арбитра. Вернемся к суду над Орестом. Афина произнесла слово в его защиту и положила свой камешек. Голоса афинских граждан распределились поровну, и Орест был оправдан, поскольку голос Афины был решающим. Прежде чем перейти к диалогу Афины и Эриний после оглашения вердикта, интересно обратить внимание на напутствия, которые дают Афина, Эринии и Аполлон судьям из числа афинских граждан¹¹:

Афина

И еще советую не изгонять из города священный страх:

Кто из людей земных без страха праведен?

Предводительница Эриний

А мой совет: не оскорблять бесчестием

Опасных гостей, грозных посетительниц.

Аполлон

А я велю вам чтить мои вещания.

Они от Зевса. Бойтесь не исполнить их.

Каждое божество грозит бедным афинянам бедами в случае вынесения решения не в его пользу. Афина это делает в завуалированном виде, предоставляя афинянам сами определиться с выбором, но, ни в коем случае не игнорировать божественные интересы. Эринии и Аполлон делают недвусмысленные намеки о своем будущем гневе в случае разрешения спора в пользу

¹¹Эсхил. Трагедии. Эвмениды. С. 351.

противной стороны. И как должны были поступить люди, когда оказались в центре схватки между богами? Самое лучшее для них было устраниваться, что они и сделали. Распределение голосов поровну среди афинян перекладывает всю ответственность за принятие решения на Афины. Только ей под силу умиротворить разгневанных Эриний и спасти город от бед и несчастий, которые они грозятся навести на него. А беды, надо признаться, нештучные:

На эту страну я порчу нашлю.
Я выплесну яд
Из сердца в поля.
Пусть гибнут посевы, пусть чахнет листва!
Пусть язвы и струпя изложут людей!

Если посмотреть на судьбы большинства арбитров, разрешающих споры в древнегреческих мифах, то мы можем прийти к неутешительному выводу: за последствия вынесенных ими решений они расплачиваются сами. Ксуф, присудивший трон старшему сыну из рода Эрехтея — Кекропу, был изгнан остальными сыновьями из Афин. Парис, разрешивший спор трех богинь и получивший в награду Елену, погибает в Троянской войне. Мидас, присудивший победу Марсию над Аполлоном, «награждается» ослиными ушами. Афинские женщины, отдавшие свои голоса Афине, лишаются избирательного права. Как пишет Августин Блаженный, *«в лице так наказанных женщин побеждена была и победившая Минерва: она не помогла своим избирательницам даже настолько, чтобы с потерей с того времени права голоса и отчуждением сыновей от имен матерей они могли, по крайней мере, называться афинянками и считаться достойными имени той богини, которой своим голосованием доставили победу над богом-мужчиной»*.

Свое эпическое повествование о падении Илиона Гомер начинает со ссоры между Агамемноном и Ахиллом. В стане греков разразился ужасный мор, насланный Аполлоном за обиду, нанесенную Агамемноном жрецу Хрису. Известный прорицатель Калхас обещает указать причину гнева Аполлона, если Ахилл выступит его заступником. Ахилл соглашается и произносит следующую клятву¹²:

Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
В стане ахейян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегося в рати ахейской.

Фактически Ахилл берет на себя всю ответственность за прорицание, которое готов сделать Калхас и которое мы можем расценивать как третейское решение, поскольку в древнегреческих мифах установление воли богов являлось лучшим способом разрешения конфликтной ситуации. Авторитет прорицателя в таких случаях сопоставим с мандатом арбитра, полученного от спорящих сторон. Если его авторитет подвергался сомнению окружающими, предсказания ими игнорировались, как это случилось при падении Трои, когда жрец Лаокоонт и пророчица Кассандра предостерегали троянцев от принятия дара от данайцев — огромного деревянного коня, которого троянцы втащили

¹²Гомер. Указ. соч. С. 31–32.

в город. В ссоре между Агамемноном и Ахиллом, никто из греков не подвергает сомнению авторитет Калхаса. Он обещает, что эпидемия прекратится, если Агамемнон возвратит отцу Хрисеиду. Агамемнон нехотя соглашается, но решает взамен этой наложницы отобрать у Ахилла Брисеиду:

Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу, - и в моем корабле, и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!

Таким образом, Ахилл, как заступник Калхаса, принимает на себя весь гнев проигравшей стороны, которой оказывается сам предводитель греческого войска. Похоже, что в представлении людей того времени, лицо, согласившееся разрешить конфликт, разделяет судьбу спорящих сторон. Ахилл, желающий удовлетворить свои амбиции и вступающий в открытое соперничество с Агамемноном еще до объявления Калхасом воли Аполлона, терпит унижение и отказывается участвовать в военных действиях против троянцев. Арбитр, как, впрочем, и любое лицо, вовлеченное в спор, не обладает иммунитетом и вынужден сам защищаться от мести недовольной стороны.

Современный судья выносит решения от имени государственной власти. Отдельные личности и даже социальные группы также обладают определенной властью, но все они подчиняются государству. Именно оно является объединяющим началом, общей идеей, воплощением порядка и устойчивости социальных отношений. В древнегреческих мифах аналогичное положение занимал Зевс над всеми остальными богами-олимпийцами, любое божество — в отношении людей, любой царь — в отношении подвластных ему племен.

Мандат арбитра проистекает из взаимного волеизъявления сторон, объединения власти двух или более соперников, обладающих равным статусом. Поэтому власть арбитра не может быть выше власти спорящих сторон. Если это так, то речь идет уже о своеобразной иллюзии третьей стороны, которую иногда демонстрирует Зевс, как, например, при рассмотрении спора между Аполлоном и Гермесом. Используя эту модель, гораздо более древнюю, чем государственный суд, Зевс, тем не менее, отягощен бременем верховной власти. Вот почему, он так редко к ней прибегает, предпочитая передавать разрешение спора назначенному им арбитру. Решение же последнего неминуемо делает одного из соперников проигравшей стороной и, нередко, личным врагом самому арбитру. Временное перемирие спорящих сторон прекращается, и обида проигравшей стороны зачастую выплескивается не на оппонента, а на арбитра, если он не позаботится о мерах своей безопасности, как побеспокоился Калхас, боясь гнева Агамемнона, как еще раньше побеспокоился Тиндарей, царь Спарты. По совету Одиссея, он потребовал принесения клятвы всеми женихами, сватавшимися к его дочери Елене, оказать поддержку ее избраннику.

Наконец, мы подошли к заключительной части лекции — примирительным процедурам. В настоящее время они предшествуют посредничеству и арбитражу. Сначала стороны пытаются разрешить свой спор мирным путем,

не прибегая к услугам третьего лица, и если переговорный процесс заходит в тупик, начинается процедура выбора посредника или арбитра. В трагедии «Эвмениды» мы сталкиваемся совсем с другой последовательностью. После вынесения Афиной решения в пользу Ореста, разгневанные Эринии грозят отомстить городу и его жителям за позор поражения. Афина предпринимает неоднократные попытки отвести беду от города, пользуясь ее покровительством, и задобрить древних богинь. Причем арсенал аргументов достаточно широк. Сначала Афина старается преподнести рассмотрение дела Ореста как ничью между спорящими сторонами, ведь голоса граждан распределены полностью. Свой решающий голос в пользу Ореста Афина трактует, как светлую волю Зевса¹³:

Послушайтесь, довольно стонов горестных.
Ведь вас не посрамили. Суд поистине
Закончился вничью. Вам нет бесчестия.
Мы волю Зевса услышали светлую,
И сам пророк здесь выступил свидетелем
В том, что теперь свободен от вины Орест.

Однако выдача желаемого за действительное не убеждает Эриний. Оправдание Ореста настолько явно свидетельствует об их поражении, что никакие промежуточные победы в процессе не могут склонить их к мысли о том, что они не являются проигравшей стороной. Тогда Афина пускает в ход следующий аргумент — угроза насилия¹⁴:

Мне тоже Зевс внимает, и — сказать ли? — мне,
Из всех богов одной лишь мне, известен ключ
От тех покоев, где хранятся молнии.
Но нужды нет...

Однако и этот аргумент не останавливает Эриний. Наконец, Афина рисует те преимущества, которые могут получить Эринии, если откажутся от своего плана мести. Афина предлагает Эриниям поселиться в ее городе и обещает им почет и поклонение его жителей. По ее пророческим словам, город ждет великая слава, и отказ Эриний разделить ее, идя на поводу эмоций, не может считаться проявлением здравого смысла¹⁵:

Нет, коль Пито, богиню убеждения,
Ты чтить — смягчишься, кроткий услышав совет.
Итак, останься. Если же откажешься
Остаться, ты не смеешь слать на город мой,
На мой народ проклятье, порчу, пагубу.
О да, не смеешь. Ведь тебе предложено
Землей здесь вечно править и в почете жить.

Модель, используемая Афиной для убеждения Эриний похожа на правило позитивного НЕТ, сформулированное Уильямом Юри: «позитивное НЕТ — это

¹³Эсхил. Указ. соч. С. 354.

¹⁴Эсхил. Указ. соч. С. 355.

¹⁵Эсхил. Указ. соч. С. 357.

«ДА!НЕТ.ДА?». Первое ДА выражает ваши интересы, последующее НЕТ подкрепляет вашу силу, а второе ДА сохраняет отношения».¹⁶

Как я уже говорил, Афина ведет примирительные процедуры после вынесения ею решения. На эту широко распространенную практику указывает Д. Л. Давыденко: *«Даже после вынесения решения судом или арбитражем нередко предпринимались меры по примирению сторон для содействия добровольному исполнению данного решения, действительного прекращения конфликта и предотвращения новых споров. Заметим, что в современной практике судей и арбитров в частных спорах такая постсудебная примирительная деятельность совершенно неизвестна! Не поэтому ли неисполнение судебных и третейских решений стало сейчас скорее правилом, чем исключением?»*.

Обратите внимание на то, что Афина выступает от своего имени, но уже не как арбитр, старающийся примирить спорящие стороны, а как сама спорящая сторона в новом конфликте с Эриниями, недовольными ее решением. Афина предпринимает попытки не по исполнению ее решения (Орест оправдан, и Эринии не собираются его больше преследовать), а по улаживанию нового спора. В ее словах чувствуется высокий эмоциональный настрой, который почти всегда присутствует у стороны, убеждающей оппонента в своей правоте. Также, Афина проявляет долгое терпение, сталкиваясь с упрямством Эриний и их неистребимым желанием — вымести свою обиду на жителях города. Все эти качества не свойственны арбитру. Более того, они недопустимы, так как в случае их обнаружения в поведении арбитра можно говорить о его предрасположенности или даже предвзятости.

Во второй части лекции, когда мы анализировали усмотрение арбитра, мы признали его право на предрасположенность, но отнюдь не на ее демонстрацию сторонам. Ведь если одной из спорящих сторон во время третейского разбирательства становится понятно, в каком ключе строить свою позицию, другая оказывается в неравном положении. Тем самым, нарушается процессуальное равенство сторон, что ставит под сомнение справедливость проводимого третейского разбирательства. На мой взгляд, понятие справедливости наиболее точно приведено у Томаса Гоббса, который, ссылаясь на схоластическую школу, раскрывает ее содержание через понятие собственности: *«Вот почему, прежде чем слова, справедливое и несправедливое, смогут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания, перевешивающего благо, которое люди ожидают от нарушения ими своего соглашения, принуждала бы всех в одинаковой мере к выполнению соглашения и упрочила бы ту собственность, которую люди приобретают путем взаимных договоров взамен отказа от всеобщего права. Такая власть может появиться лишь с основанием государства. К нашему заключению можно прийти также, исходя из определения справедливости, данного схоластами. Это определение гласит: «Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное». Таким образом, там, где нет собственности, т. е. собственности, нет справедливости, а там где нет организованной*

¹⁶Юрии У. Гарвардская школа переговоров. Как говорить НЕТ и добиваться результатов. Перевод Т. Новиковой. М., 2012. С. 30.

принудительной власти, т. е. где нет государства, нет собственности, ибо там все имеют право на все»¹⁷.

Справедливость же в третейском разбирательстве, как и в судебном процессе, прежде всего, несет процессуальный характер. Стороны имеют равные процессуальные права, и ущемление одних в пользу других автоматически компрометирует любые процедуры. Вот почему арбитру не следует быть примирителем, хотя это и противоречит современным механизмам разрешения спора, которые включают в свой перечень такую комбинированную форму, как посредничество–арбитраж (*mediation–arbitration*). Суть этой формы излагается Е. И. Носыревой в монографии «Альтернативное разрешение споров в США»: «... спор разрешается с помощью избранного сторонами независимого, нейтрального лица, который сначала выполняет функции посредника, содействуя достижению соглашения, а затем, если стороны не пришли к соглашению, действует как арбитр, уполномоченный вынести окончательное и обязательное решение».

Когда же в примирительных процедурах участвуют только спорящие стороны, никаких ограничений в использовании силы богини Пито не существует. В ход идут разнообразные уловки, приемы. Иногда среди них попадаются и запрещенные приемы, которые не ожидает оппонент и, тем самым, вынужден признать свое поражение. Яркой иллюстрацией служит спор, возникший между Менелаем и Антиохом, за второе место в состязании колесниц. В пылу спортивного азарта Антиох нарушил правила соревнования и обогнал Менелая на узком участке ристалища, несмотря на предостережение последнего о смертельной опасности, грозившей обеим возницам при совершении подобного маневра. Будучи полностью уверенным в своей правоте, но, в то же время, сознавая отсутствие необходимых доказательств, Менелай прибегает к приему, который можно назвать «запрещенным», т. е. требует принесение Антиохом клятвы о соблюдении спортивных правил¹⁸:

Несторов сын благородный, приблизься сюда и, как должно,
Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
Коней касаясь, клянись Посейдаоном, землю держащим,
Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу.

Антиох не осмеливается произнести ложную клятву и отдает награду Менелаю. В свою очередь, он, обрадовавшись такому искреннему поступку, возвращает ее обратно Антиоху. Характерно, что Менелая заботит не материальное благо, а стремление оставить после себя добрую память¹⁹:

К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был.

Совсем иначе заканчивается попытка примирить Агамемнона и Ахилла. Этому событию посвящена целая песнь в Илиаде. Как вы помните, Агамемнон

¹⁷ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1991. С. 110.

¹⁸ Гомер. Указ. соч. С. 453.

¹⁹ Гомер. Указ. соч. С. 454.

нанес тяжелое оскорбление Ахиллу, отобрав у него наложницу Брисеиду. Когда же военная удача отворачивается от греков и троянцы переходят в наступление, старец Нестор, пользующийся большим авторитетом среди воинов, укоряет Агамемнона за его необдуманный поступок. Агамемнон соглашается с упреками Нестора и формируется посольство в составе Одиссея, Аякса и Феникса. Последний избирается Нестором как предводитель посольства, поскольку он являлся воспитателем и старшим другом Ахилла. Первую речь в шатре Ахилла произносит Одиссей, умело выстраивая аргументы в защиту своей позиции. Сначала он описывает бедственное положение греков, вспоминает напутствия Пелея, отца Ахилла, и, наконец, перечисляет дары, приготовленные для него Агамемноном. Именно их количество, по мнению Одиссея, должно убедить Ахилла примириться с Агамемноном. Помимо золота, коней, треножников, наложниц, Ахиллу возвращается Брисеида. Кроме того, Агамемнон обещает отдать за Ахилла любую из своих дочерей. Ахилл остается непреклонным, и тогда в дело вступает Феникс. Он ссылается на другого героя Мелеагра, преодолевшего свой гнев без получения даров, а также опять апеллирует к здравому смыслу, а именно представлению людей в древнем обществе о том, что признание вины и имущественная компенсация являются достаточным основанием для примирения²⁰:

Сын мой, смири же ты душу высокую! Храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.
Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.

Об этом раздраженно говорит и Аякс, видя, что вся их миссия обречена на неудачу: «... даже за сына убитого пеню отец принимает; самый убийца в народе живет, отплатившись богатством». Лишь последующая смерть Патрокла смягчает гнев Ахилла, и он сам уже выступает инициатором примирения.

Как в споре между Менелаем и Антиоком, так и в споре между Ахиллом и Агамемноном побудительным мотивом к примирению являются не доводы разума, а эмоциональное отношение героев к поступкам своих оппонентов или происходящим событиям.

В заключении лекции я не буду формулировать выводы по тем вопросам третейского разбирательства, которые были освещены в ней. Мне не хочется навязывать вам свой субъективный взгляд, свою предрасположенность, если использовать один из ключевых терминов, многократно звучащий на протяжении всего моего выступления. Все необходимые выводы я предлагаю сделать вам самим, принимая во внимание следующие особенности исследуемого материала. Во-первых, как я уже говорил в начале лекции, нельзя говорить о достоверности описываемых событий. Напротив, все они являются результатом творческого воображения. Но не стоит относиться к приведенной аргументации как исходящей из слабой аналогии. Как пишут Томас Каткерт и Дэн Клейн, «ни одна аналогия не совершенна по определению». На мой взгляд, можно искать и находить сходство между мифологическими способами разрешения споров и современными институтами третейского

²⁰ Гомер. Указ. соч. С. 189.

разбирательства, поскольку суть человеческих отношений, несмотря на большой временной промежуток, осталась неизменной. Более того, на заре зарождения цивилизованного общества, эта суть еще отчетливее проявляется. Предложенная подборка древнегреческих мифов подтверждает определенную последовательность в формировании древних человеческих представлений о третейском разбирательстве. Любое несоответствие в моей интерпретации мифов или другие мифы, не вписывающиеся в описанную здесь общую картину, станут лишь поводом для новых исследований и интересных дискуссий. Во всяком случае, окончание трагедии Эсхила кажется лучшим изложением цели любого третейского разбирательства. Пусть к проигравшей стороне, испытывающей такое же неудовлетворение от результата рассмотрения спора, как Эринии, в переводе с древнегреческого «мстительные», в конце концов, приходит смирение и умиротворение, и Эринии становятся Эвменидами, т. е. милостивыми.